

— Впредь будь осмотрительнее и не выдавай себя, — сказал Рафаэль, подняв указательные пальцы обеих рук. Один он приложил к своим тонким губам, словно говоря: «Я сохраню твою тайну». Другой легонько прижал к пухлым губам Августа, намекая: «И ты помалкивай». — Даже старому управляющему нельзя ни слова. Понимаешь, о чём я?

В христианском Средневековье можно было объявить себя католиком или протестантом, но ни в коем случае — неверующим. В отличие от современных шуток про «сожжение гетеросексуалов», в ту эпоху еретиков и вправду сжигали. Даже если ты герцог, как Август. Его безверие могло стать лишь поводом для тех, кто жаждал его очернить или завладеть его состоянием.

В печально известных процессах над ведьмами многих знатных женщин — матерей и дочерей — вздымало к небу пламя костра лишь потому, что они были богатыми вдовами, а дальние родственники, имевшие права на наследство, уже давно зарились на их имущество. Конечно, жертвами охоты на ведьм становились не только женщины, хотя их было большинство. Мужчин тоже обвиняли в ереси, приравнивая к вампирам или оборотням.

Август помнил об этом — он и сам рассказывал Рафаэлю о кровавой жестокости тех времён, чтобы юный мечтатель осознал всю серьёзность происходящего. — Кажется, охота на ведьм началась в конце пятнадцатого века...

Мир, в котором оказался Август, несколько отличался от знакомого ему по учебникам Средневековья. Разнились имена королей, ход событий — поэтому он до сих пор не мог точно определить эпоху, склоняясь разве что к концу XIV — началу XV века.

— У меня есть довольно надёжный источник, — скромно заметил Рафаэль, не утверждая наверняка, но давая понять, что вероятность — девяносто девять процентов. — Папа уже решил издать указ о начале охоты на ведьм. У меня даже есть черновик «Молота ведьм». Хочешь взглянуть?

Охота на ведьм — это и были те самые суды.

— Нет, не нужно, — быстро замотал головой Август, но в душе тут же окрепло решение. — На моих землях я не допущу подобного безумия!

Произнеся это, благоразумный Август осторожно взглянул на Рафаэля:

— Ты сможешь мне, да?

Рафаэль приподнял бровь:

— Я полагал, ты уже включил меня в свои планы.

— Да, конечно! — обрадовался Август. Он не стал говорить что-то вроде «спасибо» или «извини за беспокойство» — интуиция подсказала ему, что Рафаэль уже начал раздражаться, едва услышав вопрос о помощи.

Рафаэль и вправду был недоволен. Конечно, он поможет Августу — разве это не очевидно? Зачем спрашивать? Или он всё ещё не сумел дать ему чувство уверенности?

При этой мысли лицо Рафаэля окончательно потемнело.

Именно в этот момент их беседа — та, что наверняка войдёт в будущие учебники истории, —

столкнулась с первым препятствием.

Впереди, у самой дороги, сломалась белая карета без герба. Чей она была — оставалось загадкой.

Командир рыцарей подскакал к окну кареты Августа и спросил, не остановиться ли, чтобы помочь неизвестному дворянину или богачу. «Помощь другим» была важнейшей частью рыцарского кодекса.

Август задумался на мгновение, уже собираясь кивнуть, но Рафаэль его опередил.

— Карета не остановится. Но пошлите нескольких рыцарей с запасной повозкой. Доставьте их до места или дома, затем возвращайтесь. Понятно?

Командир услышал, но не ответил, продолжая смотреть на Августа через окно движущейся кареты. Его господином был именно герцог.

Август кивнул:

— Поступайте, как сказал Йер.

— Слушаюсь! — Командир коротко поклонился в седле, развернул коня и ускакал.

Рафаэль вовсе не обратил внимания на непокорность командира, лишь объяснил Августу свой расчёт:

— Наша сегодняшняя поездка не секрет, дорога пустынна и ведёт почти исключительно к строящемуся Бристольскому собору.

Дальше можно было не продолжать — Август всё понял. Случайно ли они встретили сломанную карету именно здесь, на этой дороге? Или это чей-то умысел?

— Держу пари, внутри — ослепительной красоты дворянка! — Август, любитель драматичных сюжетов, не удержался от фантазии. — Ты и вправду отказываешься от шанса стать героем, спасающим красавицу? — Несомненно, если это была ловушка, то цель её — Рафаэль. Август был ещё слишком юн.

Рафаэль лишь презрительно усмехнулся, и во взгляде его читалось: «Кто может быть прекраснее меня?»

Граф Марч слыл первым красавцем Англии. Званием первого красавца Европы он не обладал лишь потому, что ему препятствовала знаменитая французская оперная дива мадемуазель Матт, чей пол автоматически привлекал большинство голосов.

Карета герцога проследовала мимо, даже не замедлив хода у белой кареты.

Август был даже благодарен этому отвлекающему манёвру — он получил передышку. Глядя на мелькающие за окном пейзажи, он нашёл объяснение своему неловкому вопросу, вызвавшему недовольство Рафаэля:

— Я не то чтобы не доверял тебе или думал, что ты можешь отказать. Просто не хотел ставить тебя в затруднительное положение.

В Средние века почти все верили в Бога, и Рафаэль, конечно, не был исключением.

Рафаэль с трудом принял объяснение, но уголки его губ дрогнули, выдав некоторое удовольствие. Он сказал:

— А почему ты решил, что ты один такой — неверующий?

— !!!

В высшем свете Лондона уже чуть ли не доходило до кровопролития в спорах о том, католик Рафаэль или протестант, но никто так и не докопался до истины. И вот, в самое заурядное утро, словно обсуждая погоду, в мягком свете кареты Рафаэль спокойно раскрыл загадку: он не верил ни в то, ни в другое.

Теперь многое в его поведении обретало смысл. Поскольку он не верил, он мог оставаться спокоен; поскольку он не верил, он мог с лёгкостью лавировать между сторонами; поскольку он не верил, он был неуязвим!

В то же время Ричард II, казавшийся лицемерным и нерешительным, куда больше походил на истинного верующего.

Он жаждал абсолютной власти, но страшился, что методы её достижения навлекут на него Божью кару, а потому так и не мог определиться с верой. Особенно в последние годы, когда здоровье его ухудшалось, Ричард II всё чаще впадал в сомнения, видя в недугах предостережение свыше.

Конечно, Август считал, что его дядя сам виноват в своих бедах. Кто останется здоров, носиясь зимой по лесу с юной прелестницей?

Кхм.

Вернёмся к вере Рафаэля.

Теперь любопытство одолело самого Августа:

— Почему же ты не веришь? У тебя есть иная вера? — Например, иудаизм или ислам. Хотя, если Рафаэль принадлежал к радикальным течениям последнего, их дружбе, пожалуй, пришёл бы конец. Разумеется, если бы Рафаэль заявил, что верит в какую-нибудь «Тёмную Библию», это тоже не удивило бы Августа.

Рафаэль покачал головой. Нет, он просто не верил, что в мире существует Бог.

— = рот = — Вот это да.

<http://bllate.org/book/15929/1424041>